



ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДАВНО НЕ ВИДЕЛИСЬ!

Светлана Дружинина: «Без кинематографа я заболею»

Экран и сцена - 1999 - окт. - нояб. (~ 42) - с. 16



На частый вопрос журналистов, как ей удается оставаться столь эффектной, столь изысканной и элегантной, Светлана Сергеевна Дружинина — актриса, режиссер, сценарист, продюсер, глава фирмы — отвечает: «Десять лет балета. Нас приучали габитус держать».

— А кинорежиссер Светлана Дружинина вспоминает изредка хотя бы, что едва не стала балериной?

— Вспоминает: когда в фильме нужно поставить танцевальный номер. Если не справляюсь, призываю на помощь друзей по хореографическому.

— Какое-то амплуа балетное уже было?

— Лет до пятнадцати все мы — «классики». Но последние года три в хореографическом я уже настраивала себя на танцы характерные: со своими однокурсниками Марисом Лиепой и Наташей Касаткиной мы танцевали в операх дивертисменты. В каком-то спектакле увидела меня руководитель «Березки» Надежда Надеждина и принялась активно сватать в ансамбль: они в те годы в большом фаворе были. Представляете, выплывают в одинаковых сарафанах, отретушированные одного цвета губной помадой тридцать «березок» и где-то на втором десятке зал уже встает: «бра-во! бра-во!!!» Но тут я заболела. Потом кино вдруг возникло.

Вообще-то, до кино был у нее роман, довольно бурный, с тогдашним телевидением: вела с Державиным на пару КВНы, концерты вела, ей доверяли и с детишками общались (то было еще до «Будильника»). Приступавший к съемкам фильма «За витриной универмага» режиссер Самсон Самсонов, увидев ее в роли ведущей какого-то ритуально-праздничного концерта, озадачил ассистентов: «Разыщите!» Разыскали. «Почитай нам что-нибудь», — попросил режиссер, присматриваясь к статной ясноглазой кандидатке на роль. — «Ой, я не умею этого. Лучше я вам станцую». И выдала свой дипломный танец.

По съемочной площадке ее продавщица посудного отдела универмага Соня Божко ходила балетным шагом. Пока кто-то из съемочной группы не прошелся по ее ногам палкой: «Ходи нормально!» И может, этот-то инцидент-казус и подтолкнул будущую кинозвезду к необходимости серьезно освоить актерскую профессию.

— Хотя мама моя из шахтерской семьи, я считаю себя коренной москвичкой; родилась в махровой, так сказать, Марьиной Роще. Мама работала воспитательницей детского сада, отец — шофер, погиб под Смоленском. Из эвакуации возвратились в 43-м, поступила в школу. Жили мы в коммуналке. Рядом было аж три кладбища сразу, — на них мы и играли в казаков-разбойников. А чтоб не завшивели, брили нас наголо. И носились мы, абсолютно лысые мальчишки и девчонки, стаями по этим кладбищам.

После третьего класса случайно увидела объявление о наборе в цирковое училище, подговорила свою компанию и отправилась мы поступать. Поскольку была я такой гуттаперчивой девочкой, меня сразу приняли. Проучилась год, но мама испугалась, что я останусь без образования и забрала ме-

ня из циркового. Но меня перевели в хореографическое при ГАБТе, которое я закончила, хотя диплом и не получила: приболела, потом кино началось, ВГИК.

Леонид Куравлев, Софико Чиаурели, Ариадна Шенгелая — из однокурсников ее по ВГИКу — к диплому уже были популярны; пятью киноролями защищалась и она. Лет пять спустя вновь пришла во ВГИК, уже на режиссерский (в дни учебы во ВГИКе мелькали в коридорах и курилках истинные звезды: Михалков, Губенко, Никоненко, Нахалетов, Валентин Попов, который был в главной роли у Хуциева в фильме «Мне двадцать лет») — что называется, рванули в режиссуру, была среди них и Светлана Дружинина.

— Что заставило вдруг так резко поменять судьбу-карьеру популярной актрисы? Перестали приглашать на роли?

— Нет, приглашали. О некоторых ушедших до сих пор жалею; звал, например, в «Неоконченную пьесу для механического пианино» Михалков — на роль, которую потом Шуранова сыграла, но иногда графики съемок не совпадали с моими планами. Да я же почти в каждом из собственных фильмов себе, люби-

мой, роль присматривала. В первых «Гардемарины» уже почти совсем решила, что напому о себе, актрисе, ролью Анны Бестужевой — костюмы, парики для меня уже сшили. И вот приезжаем мы на объект, где ее казнить должны, — а я же в глазок кинокамеры люблю заглянуть, по площадке побегать, чтоб обжить ее, — и тут представила, как меня в парчовом платье будут гвардейцы в карету закидывать, как «потекут» ресницы... При этом с умным видом буду еще распоряжаться, а вокруг, разумеется, толпа ротозеев. И решила я уже впредь на подиум не возвращаться. Тем более, что режиссура мне гораздо интереснее, чем актерство: это — мое: я и раб, и властелин этой профессии.

А в годы звездности я оказалась в черных списках: родители суженого моего, Анатолия Мукасея, работали в разведке, так что после замужества меня автоматически перестали включать в зарубежные делегации, стали на роли бояться приглашать — присутствие мое в картине могло и ее сделать невыездной. А еще я всегда хотела иметь дом: чтобы в нем капустой квашеной пахло, блинами, чтобы дети, родственники все-

гда знали, что у них в этом доме есть и место, и приют.

За третий курс ее режиссерской работой стала «Нехорошая квартира» по «Мастеру и Маргарите»: отмечена была на фестивале ВГИКа и — вот мистика-то! — бесследно испарилась. Дипломным фильмом стала «Зинка» — с Викторией Федоровой в главной роли, которая потом уехала к отцу в Америку, тем самым вызвав запрет на все кинокартины с ней. Самостоятельным дебютом в режиссуре стало «Исполнение желаний» по Каверину. Потом вышли «Свадьба гусара», «Дульсинея Тобосская», «Принцесса цирка» и, наконец, «Гардемарины» с продолжениями.

— Вопрос «Над чем я сегодня работаю», я бы в последние годы задала сама себе так: чем ты занимаешься?! И ответила бы: ищущи деньги.

В перерыве между большими работами про гардемаринов и «Дворцовыми переворотами» предполагала экранизировать пьесу Алексея Толстого «Любовь — книга золотая», но — увы. Вроде начали работу над огромным сериалом о русских императрицах XVIII века — о женском, так сказать, периоде правления дома Романовых — тоже увы: кончились деньги, и неизвестно вообще, чем закончится наша затея. Приходится нынче совмещать в себе и режиссера, и продюсера, и даже предполагаемого прокатчика: я, мой муж — оператор Анатолий Мукасей и наш директор объединились в фирму «Сагитариус» при фонде Ролана Быкова. Снимаем рекламу, музыкальные видеоклипы, прокатываем мексиканские сериалы. Клипы снимает в основном наш сын Михаил Мукасей — он оператор, клипмейкер.

— Вы ведь с Анатолием Михайловичем уже сорок лет...

— Я всегда говорила и говорю, что муж мне послан Богом; я его так и называю «суженый мой». Познакомились мы, когда он учился на втором курсе операторского факультета, а я была восходящей кинозвездой — поклонников у меня было... К тому же, была капитаном женской сборной института по волейболу. И вот надеваю я как-то в спортзале туфли, а к моим ногам подкатывается мяч. Поднимаю голову и вижу прекрасные, добрые, очаровательные глаза. Толя тоже был капитаном институтской сборной по волейболу, так что нас долгое время так и звали: два капитана. С тех пор мы вместе.

В семье у нас никто не претендует на главенство: если бы мы задумались над этим; столько лет не прожили бы рядом. Мы все делаем сообща, не разделяя работу на главную и второстепенную, но должна непременно сказать, что Толя — человек невероятного терпения: меня же долго вытерпеть... И тем не менее семья для меня — понятие очень серьезное, может, даже самое важное. А самым важным сегодня в нашей семье является внук Данила. Он зовет меня Светланой, пропадает с

нами на «Мосфильме».

— «Сагитариус» — это Стрелец?

— Да, это мой знак зодиака. Я его очень люблю: это знак энергетический, способный ориентироваться в любых самых сложных ситуациях. Однажды я поняла, что если не возьму энергетический запас собственной жизни в свои же руки, из кинорежиссуры мне просто надо уходить: эта профессия невероятно психологическим нагрузкам. И я начала учиться распределять собственные силы — научилась, например, отдыхать на съемочной площадке: отключаться не больше часа; обедаю не позднее девяти вечера, и какая бы ни была погода — обязательно принимаю контрастный душ на воротниковую зону: сначала резко горячий, следом — резко холодный. (Женщины-Стрельцы в число основных вопросов лидерство в семье не ставят, но они — энергетический ее центр, заводилы и инициаторы всех семейных мероприятий: подвижные, энергичные, всегда молодые душой, они закручивают всю семейную жизнь в привычном для себя ритме. — Из гороскопа).

— Спорт сегодня...

— Отдельно каким-то видом спорта я уже не занимаюсь, но хожу, например, очень быстро — так, чтобы нога «от бедра», чтобы грудь широко дышала. В эти минуты у меня хорошо работает голова, даже возникает ощущение полета.

— С какими людьми режиссер Дружинина не стала бы работать?

— Не терплю тупых, ленивых и душевно сытых.

— Верите в судьбу?

— Да. Есть библейская истина: ни один волос не упадет с твоей головы просто так; у каждого — свой крест. И никогда не дается тот крест, который вам не по силам: все наши трудности нам по силам. Только надо найти в себе мужество и раскопать, раскрутить эти силы.

— Какое место на земле ассоциируется для вас с понятием счастья?

— Дом. Наш дом.

— Светлана Дружинина счастлива?

— Счастье — понятие неоднозначное, неуловимое: сегодня ты — королева, а завтра у тебя ничего не получается. Жизнь, в том числе и моя, — далека от совершенства. Но я всегда и всего добивалась сама, никогда не зависела от обстоятельств. И поэтому, несмотря ни на что, считаю себя счастливой.

— Вы жалеете...

— ...что не родилась лет на десять позже: сейчас время возможностей, а у меня слишком мал запас будущего. Пожалуй, это единственная причина, почему я стала задумываться о возрасте. Все остальное для меня — совершенно без комплексов: ничего лишнего у меня нет. Да ничего и не надо, честно говоря. Но вот без кинематографа я, наверное, быстрой со старюсь, даже буду соответствовать своему возрасту. Может, даже заболела...

Наверное, все же ненапрасно года три назад Советом Дома Ханжонкова режиссеру Светлане Дружининой был вручен приз Веры Холодной с формулировкой: «самой азартной».

Беседовал Геннадий СУХИН